

Юридические науки

УДК 34

ПРОБЛЕМЫ ДЕЙСТВУЮЩИХ И ПЕРСПЕКТИВНЫХ ЭЛЕМЕНТОВ СОВРЕМЕННОЙ СИСТЕМЫ ПОВОДОВ⁴⁸

Е.С. Кузьменко, Нижегородская академия МВД России (Нижний Новгород, Россия)

Аннотация. В данной работе проводится исследование теоретических и практических основ возбуждения уголовного дела, при этом уделяется особое внимание системе поводов для возбуждения уголовного дела

Ключевые слова: уголовное дело, возбуждение уголовного дела, уголовное право.

Ранее мы изложили результаты исследования, касающиеся современной системы поводов в целом. Но не менее значимой является информация, характеризующая проблемные стороны отдельных элементов системы, поскольку недочеты отдельных поводов сказываются на эффективности всей системы.

Первым поводом в статье 140 УПК РФ выступает повод, именуемый законодателем **«заявление о преступлении»**. Этот повод можно определить следующим образом – *адресованное компетентным органам и должностным лицам официальное, с соблюдением всех правил и формальностей обращение, содержащее информацию о совершенном или готовящемся преступлении*.

Приведенное определение отражает в себе сущность, имеющуюся и в других дефинициях заявления как повода для возбуждения уголовного дела. Она сводится к тому, что данный повод является разновидностью сообщения о преступлении.

Так, С.А. Колосович определяет заявление как «устное или письменное сообщение физического или юридического лица в правоохранительный орган информации о совершенном или готовящемся преступлении» [33, С. 230].

А.Р. Михайленко полагает, что заявления и письма граждан как повод к возбуждению уголовного дела представляют собой деятельность отдельных физических лиц по осведомлению прокурорско-следственных органов о готовящемся или совершенном преступлении [20, С. 27].

Эта же идея отражена в ведомственных нормативных актах. В межведомственном приказе «О едином учете преступлений» читаем: «сообщение о преступлении – заявление

⁴⁸ Статья представлена магистром социальной работы Т.М. Хусяиновым (Нижний Новгород, Россия). **Научный руководитель:** доктор юридических наук, профессор М.П. Поляков. **Ведущая организация:** Волгоградская академия МВД России. **Оппоненты:** доктор юридических наук, профессор А.Ф. Лубин; кандидат юридических наук, доцент С.П. Гришин. **Отзывы прислали:** профессор кафедры Института повышения квалификации руководящих кадров Генеральной прокуратуры Российской Федерации, доктор юридических наук, доцент А.В. Агутин; доцент кафедры уголовного процесса СибЮИ МВД России, кандидат юридических наук, доцент П.Л. Сурихин; начальник кафедры уголовного процесса Калининградского юридического института МВД России, кандидат юридических наук, доцент, подполковник милиции В.Н. Авдеев; Начальник Омской академии МВД России, заслуженный юрист Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор Б.Б. Булатов; Заведующий кафедрой уголовного права и процесса Омского юридического института, заслуженный юрист РФ, доктор юридических наук, доцент Ю.В. Деришев.

о преступлении, явка с повинной, рапорт об обнаружении преступления⁴⁹. К ним относятся процессуальные и иные документы, предусмотренные частью 2 ст. 20 и ст.ст. 141–143 УПК РФ: заявление потерпевшего или его законного представителя по уголовному делу частного обвинения; письменное заявление о преступлении, подписанное заявителем; протокол принятия устного заявления о преступлении; протокол следственного действия, в который внесено устное сообщение о другом преступлении; протокол судебного заседания, в который внесено устное сообщение о другом преступлении; заявление о явке с повинной; протокол явки с повинной; рапорт об обнаружении признаков преступления» [25].

Форма подачи заявления о преступлении значения не имеет. Содержащаяся в заявлении информация может быть доведена до сведения компетентных органов либо в письменной форме, либо в устной. В первом случае заявление, сделанное в письменном виде, должно быть подписано заявителем и содержать данные о фамилии заявителя, месте его жительства, документах, удостоверяющих его личность. В случае подачи заявления о преступлении от имени юридического лица, оно обязательно должно быть выполнено на бланке организации, имеющем угловой штамп, с указанием юридического адреса и исходящего номера и подписано начальником организации или лицом, на законных основаниях его замещающим. Если заявитель осуществляет представительские функции, это соответствующим образом подтверждается прилагаемыми документами. Таким образом, законодатель разграничил заявления, исходящие от физических и от юридических лиц.

Устное заявление о совершаемом или подготавливаемом преступлении может быть сделано различными участниками уголовного судопроизводства независимо от их процессуального статуса. Ими могут быть как лица, специально для этого обратившиеся в соответствующую инстанцию, так и участники следственного действия либо судебного разбирательства.

При личной явке заявителя лицо, принимающее устное заявление, составляет протокол, который должен включать в себя сведения о месте и дате составления протокола; должности, классном чине или звании, фамилии и инициалах лица, принявшего заявление; фамилии, имени и отчестве, дате и месте рождения, гражданстве, месте жительства, работы или учебы заявителя; данные о паспорте или ином документе, удостоверяющем личность заявителя (кем и когда выдан, номер, серия); отметке о разъяснении заявителю ответственности за заведомо ложный донос по статье 306 УК РФ. Затем следует изложение содержания заявления о преступлении, подписанное заявителем; отметка о том, что протокол прочитан лично заявителем или лицом, принявшим заявление; запись от имени заявителя о том, что заявление записано правильно (неправильно), а также содержание замечаний либо указание на их отсутствие, удостоверенные подписью заявителя. Протокол подписывается заявителем и лицом, принявшим заявление.

Если устное сообщение о преступлении сделано при производстве следственного действия или в ходе судебного разбирательства, то оно заносится соответственно в протокол следственного действия или протокол судебного заседания (ч. 4 ст. 141 УПК РФ).

В случае, когда заявитель не может лично присутствовать при составлении

⁴⁹ Эта формулировка – буквальное воспроизведение п. 43 ст. 5 УПК РФ.

протокола, его заявление оформляется в порядке, установленном статьей 143 УПК.

Обращение с устным заявлением в соответствующую инстанцию может быть сделано как при личной явке, так и иным путем, например, по телефону.

Однако не все процессуалисты придерживаются точки зрения, согласно которой разновидностью устного заявления является заявление гражданина, сделанное по телефону, факсу, телеграфу или радио, мотивируя тем, что данное мнение не согласуется с законом и ведомственными нормативными актами [22, С. 7].

В частности, Г.П. Химичева определяет заявление о преступлении как сообщение о любом совершенном или готовящемся преступлении, отвечающее требованиям, предусмотренным статьей 141 УПК России. Соблюдение этих требований направлено на обеспечение достоверности обстоятельств и фактов, которые указывают на признаки преступления [34, С. 109]. Тем не менее, если сообщение было передано в компетентный орган одним из вышеуказанных способов, оно должно быть принято и надлежаще оформлено письменно. Лишь в этом случае данные разновидности устных заявлений могут стать поводом к возбуждению уголовного дела.

Некоторые ученые считают, что, помимо общих требований к сущности заявления о преступлении, оно должно содержать просьбу о привлечении виновного лица к уголовной ответственности, а официальное уведомление следователя, дознавателя, прокурора, не содержащее такой просьбы, относится к иным источникам, предусмотренным в п. 3 части 1 статьи 140 УПК РФ⁵⁰.

Однако закон не устанавливает наличие такого требования в качестве обязательного реквизита заявления о преступлении, относящемся к категории дел публичного обвинения. Исключение составляют преступления, уголовное преследование по которым осуществляется в порядке частного и частно-публичного обвинения, заявления о которых должны исходить непосредственно от потерпевшего и содержать требование о привлечении лица, совершившего преступление, к уголовной ответственности [34, С. 109].

Таким образом, заявления (сообщения) о преступлениях служат поводом к возбуждению уголовного дела независимо от того, содержит или не содержит соответствующее деяние признаки преступления, причинен ли преступлением вред непосредственно заявителю или не причинен, является ли заявитель по его утверждению пострадавшим от преступления, случайным очевидцем или о преступлении ему известно от третьих лиц. Исключение составляют дела частно-публичного обвинения, где поводом к возбуждению уголовного дела служит заявление лица, непосредственно потерпевшего от преступления или его законного представителя, в некоторых источниках именуемое жалобой.

Согласно закрепленному в статье 20 УПК РФ положению преступления, подпадающие под категорию уголовных дел частного и частно-публичного обвинения, возбуждаются только по жалобе потерпевшего или его представителя. Таким образом, положения статьи 20 УПК, а также п. 5 статьи 24 УПК свидетельствуют о том, что в отдельных случаях закон связывает разрешение вопроса о возбуждении уголовного дела с волеизъявлением лиц,

⁵⁰ В частности, этой позиции придерживаются: Григорьев В.Н. Возбуждение уголовного дела по новому УПК: Учебное пособие для вузов МВД России. – М., 2002. – С. 9–10; Безлепкин Б.Т. Комментарий к уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный). – М., 2003. – С. 177.

которым преступлением причинен вред. Необходимо отметить, что данная жалоба должна содержать требование о привлечении лица, совершившего преступление, к уголовной ответственности. Отсутствие такого требования или неправильное оформление жалобы, допускающее двойственное толкование воли потерпевшего, влечет за собой безусловный отказ в возбуждении уголовного дела или его прекращение.

Следует отметить, что данное утверждение не является принципиально новым для российского уголовного процесса. В частности, С.А. Альперт много лет назад указывал, что «в советском праве жалоба потерпевшего по делам частного обвинения имеет только процессуальный характер... и вызывает, прежде всего, уголовно-процессуальные последствия, а именно – возбуждение уголовного дела и обуславливает возможность привлечения виновного к ответственности» [2, С. 25].

Подобной точки зрения придерживался и А.Н. Трайнин. Он, в частности, указывал, что «жалоба потерпевшего в делах частного и частно-публичного обвинения является специальным условием возбуждения уголовного преследования» [30, С. 356].

Аналогичной позиции отдавал предпочтение и М.Л. Якуб, подтверждающий процессуальное значение жалобы потерпевшего: «преступление само по себе не возбуждает еще процессуальной деятельности... потому что, несмотря на наличие преступления, могут отсутствовать процессуальные условия для возбуждения дела (например, отсутствие жалобы потерпевшего по делам, возбуждаемым не иначе, как по жалобе)» [36, С. 157].

Таким образом, процессуальное значение жалобы потерпевшего по делам частного и частно-публичного обвинения состоит в том, что она является единственным законным поводом для возбуждения уголовного дела данных категорий. Отсутствие такой жалобы автоматически влечет невозможность возбуждения уголовного дела или прекращения этого дела, если оно уже возбуждено.

Данное обстоятельство побуждает к тому, чтобы *обособить жалобу в системе поводов к возбуждению уголовного дела.*

Однако необходимо учитывать, что ч. 4 ст. 20, ч. 3 ст. 21 и ч. 3 ст. 318 УПК предусматривают некоторое исключение из данного правила, предоставляя прокурору, а также следователю и дознавателю с согласия прокурора право возбуждать уголовные дела о преступлениях частного и частно-публичного обвинения и при отсутствии жалобы потерпевшего, если данное преступление совершено в отношении лица, которое в силу беспомощного состояния или иным причинам (нахождение в зависимом состоянии от обвиняемого) не может защищать свои права и законные интересы.

В этом случае поводом к возбуждению уголовного дела будет рапорт соответствующего должностного лица об обнаружении признаков преступления. В отдельных случаях поводом к возбуждению уголовных дел этой категории могут быть заявления граждан и сообщения учреждений и организаций, являющихся опекунами или попечителями потерпевшего.

Разновидностью заявления о преступлении (не в формальном, а в информационном смысле) является **анонимное сообщение о преступлении** (выделено нами. – **Е.К.**). Согласно ч. 7 ст. 141 анонимное заявление о преступлении не может служить поводом для возбуждения уголовного дела. Употребляемый в данном случае термин «анонимное

заявление» в УПК не расшифровывается. Тем не менее, таковыми признаются обращения, не содержащие сведений о фамилии и месте жительства заявителя либо содержащие ложные данные о заявителе. Обычно такие заявления остаются без рассмотрения, но при наличии в них сообщений о готовящихся или совершенных преступлениях такие обращения направляются в соответствующие правоохранительные органы.

В существующих ведомственных нормативных актах четко регламентированы действия соответствующих ведомств при получении анонимных заявлений о преступлении. Так, приказ МВД РФ от 29 августа 2014 г. № 736 «Об утверждении Инструкции о порядке приема, регистрации и разрешения в территориальных органах МВД РФ заявлений и сообщений о преступлениях, об административных правонарушениях, о происшествиях» устанавливает, что «по решению руководителя (начальника) территориального органа МВД России признанные в соответствии с пунктом 45 настоящей Инструкции анонимными заявления и сообщения о преступлении и материалы их проверки направляются в соответствующие подразделения территориального органа МВД России для использования в установленном порядке в оперативно-розыскной деятельности, а заявления и сообщения об административном правонарушении, о происшествии и материалы их проверки приобщаются к номенклатурному делу, прилагаемому к КУСП».

Приказ МВД России от 12 сентября 2013 г. № 707 «Об утверждении Инструкции об организации рассмотрения обращений граждан в системе МВД РФ» определяет, что «если в ходе проверки по жалобе установлено, что в качестве гражданина указано лицо, не обращавшееся в орган внутренних дел, либо в обращении названы вымышленные адрес и (или) фамилия, имя, отчество, жалоба признается анонимной. В этом случае ответ на обращение не дается. ... Анонимные обращения, содержащие сведения о подготавливаемом, совершаемом или совершенном противоправном деянии, а также о лице, его подготавливающем, совершающем или совершившем, регистрируются в порядке, установленном Инструкцией, и подлежат направлению в подразделение системы МВД России или другой государственный орган в соответствии с их компетенцией. В учетных формах в графе об исполнении проставляется отметка «анонимное». Анонимные заявления, содержащие информацию о совершенном или готовящемся террористическом акте, докладываются уполномоченным сотрудником подразделения делопроизводства руководителю территориального органа и в соответствии с его резолюцией передаются в дежурную часть для незамедлительной регистрации в КУСП. ... Решение о целесообразности проведения проверки по анонимному обращению, не содержащему сведений о совершенном или готовящемся террористическом акте, принимает руководитель органа внутренних дел».

Приказ Генеральной прокуратуры РФ от 30 января 2013 г. № 45 «Об утверждении и введении в действие Инструкции о порядке рассмотрения обращений и приема граждан в органах прокуратуры РФ» в пункте 2.8 указанной Инструкции устанавливает, что «письменное обращение гражданина, должностного и иного лица должно в обязательном порядке содержать либо наименование органа, в который направляется обращение, либо фамилию, имя, отчество соответствующего должностного лица, либо его должность, а также фамилию, имя, отчество (последнее - при наличии) гражданина, направившего обращение, почтовый адрес, по которому должен быть направлен ответ или уведомление о переадре-

совании обращения, изложение существа вопроса, личную подпись указанного гражданина и дату. ... В случае, если в письменном обращении не указаны фамилия гражданина, направившего обращение, или адрес, по которому должен быть направлен ответ, ответ на обращение не дается. Если в указанном обращении содержатся сведения о подготавливаемом, совершаемом или совершенном противоправном деянии, а также о лице, его подготавливающем, совершающем или совершившем, обращение подлежит направлению в государственный орган в рамках его компетенции».

Приказ ФСБ РФ от 30 августа 2013 г. № 463 «Об утверждении Инструкции об организации рассмотрения обращений граждан РФ в органах ФСБ» определяет, что «на письменное обращение, не содержащее фамилии гражданина, направившего обращение, или почтовый адрес (адрес электронной почты), по которому должен быть направлен ответ, ответ не дается. Такое обращение на основании письменного решения руководителя, начальника органа безопасности либо другого уполномоченного им должностного лица может быть признано анонимным. Анонимные обращения, в которых содержатся сведения о подготавливаемом, совершаемом или совершенном преступлении, подлежат учету, регистрации и проверке в соответствии с пунктом 3 настоящей Инструкции»

Также организация работы с анонимными сообщениями регламентируется в приказе ФСБ РФ от 16 мая 2006 г. № 205 «Об утверждении инструкции по организации в органах федеральной службы безопасности приема, регистрации и проверки сообщений о преступлениях и иной информации о преступлениях и событиях, угрожающих личной и общественной безопасности».

Как видим, во всех ведомственных приказах отражен единый принцип. *Безымянная информация, имеющая значение для дела, не игнорируется, а передается в оперативно-розыскной орган для проверки.*

Заметим, что УПК РФ – не первый кодекс, который обращается к понятию анонимного заявления. Первые советские кодексы тоже так делали, причем были предельно конкретны. Об этом можно судить по ст. 93 УПК 1923 г.: «Письменные заявления должны быть подписаны лицом, от которого они исходят. Анонимные заявления **могут служить поводом** (выделено нами. – **Е.К.**) к возбуждению уголовного преследования только после предварительной негласной поверки их органами дознания».

Проблемы явки с повинной. Самостоятельным поводом к возбуждению уголовного дела является явка с повинной. Это явление также не ново для современного уголовного процесса. Так, данный повод упоминался в Соборном Уложении 1649 года, в статье 11 главы 2 которого говорилось, что «лицо, совершившее изменческие действия и возвратившееся в Московское государство после бегства за границу, освобождается от наказания в виде смертной казни» [1, С. 344].

Свод законов 1832 года в статье 128 и Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года в статьях 319–324 указывали на значительное снижение наказания явившимся с повинной, раскаявшимся преступникам, когда в результате такого поведения создавалась возможность предупредить негативные последствия [16, С. 250–256]. Аналогичное положение содержалось и в Уставе уголовного судопроизводства 1864 года. Впоследствии явка с повинной как повод к возбуждению уголовного дела перешла в

уголовно-процессуальные кодексы РСФСР 1922, 1923, 1960 годов, УПК союзных республик, и как логичное продолжение развития уголовно-процессуальной науки, нашла свое отражение в УПК РФ 2001 г.

Согласно ч. 1 ст. 142 УПК РФ заявление о явке с повинной – *добровольное сообщение лица о совершенном им преступлении*. Формулировка короткая и понятная. Но мы считаем необходимым более подробно остановиться на характеристике составных элементов данного повода, так как отсутствие хотя бы одного из них делает невозможным признание явки с повинной как таковой.

Во-первых, указанное заявление в контексте именно уголовно-процессуальных отношений должно содержать в себе сведения о преступлении, предусмотренном УК РФ. Если после проверки содержащихся в заявлении о явке с повинной сведений оснований к уголовному преследованию не окажется, то отпадает основание считать имевшее место заявление явкой с повинной [35, С. 14].

Во-вторых, заявление лица должно осуществляться непосредственно путем личной явки. По этому элементу в уголовно-процессуальной науке возникли некоторые разногласия. Так, если обратиться к смыслу слова «явка», то в Толковом словаре русского языка дано следующее определение: «явка – прибыть, прийти куда-нибудь» [21, С. 916].

В данном случае это необходимость прийти в правоохранительные органы, уполномоченные осуществлять уголовное преследование. В связи с этим возникает вопрос, можно ли считать явкой с повинной заявление о преступлении, сделанное лицом не лично, а с использованием телефона, через третьих лиц либо в письменном виде с последующим отправлением письма по почте. Некоторые ученые придерживаются этой точки зрения. В частности, В.В. Степанов указывает, что «явка с повинной будет иметь место и при поступлении заявления в компетентные органы по телефону или через другие средства связи» [27, С. 34]. Его поддерживают В.М. Галкин, В.А. Елеонский, А.Р. Михайленко [5, С. 92; 12, С. 76; 20].

Указанная позиция имеет право на существование при соблюдении одного важного условия – какой бы ни была форма подачи явки с повинной, письменной или устной, непосредственно явка в правоохранительные органы или передача информации другими способами, данное лицо должно впоследствии лично явиться для установления личности и составления протокола явки с повинной. Это обусловлено требованиями ст. 142 УПК РФ, в ч. 2 которой говорится, что заявление о явке с повинной может быть сделано как в письменном, так и в устном виде. Устное заявление принимается и заносится в протокол в порядке, установленном ч. 3 ст. 141 УПК РФ.

В-третьих, и это напрямую связано с предыдущим элементом, явка с повинной будет считаться таковой, если она сделана (адресована) органам и должностным лицам, наделенным полномочиями осуществлять уголовное судопроизводство. Как известно, к ним относятся органы дознания, следствия, прокуратуры и суда. Только должностные лица вышеперечисленных органов власти уполномочены принимать процессуальное решение по факту явки с повинной. Указанная позиция нашла подтверждение в публикациях многих видных ученых-процессуалистов [6, С. 9; 10, С. 37].

В-четвертых, необходимым условием явки с повинной выступает добровольность сделанного заявления. Здесь необходимо учитывать два аспекта – собственную

инициативу и отсутствие принуждения. Если рассматривать такой момент, как собственная инициатива, то здесь речь идет прежде всего о том, что лицо действует по своей воле, осознает свою вину, отдает себе отчет о последствиях такого поступка (основным является вероятность возникновения в последующем уголовного преследования), прекращает преступные действия и изъявляет готовность оказывать помощь правоохранным органам в расследовании преступлений. Что касается отсутствия принуждения, то оно (принуждение) должно исходить в большей степени от самих правоохранных органов. Конечно, родственники и знакомые также могут оказывать влияние на лицо, совершившее преступление, уговаривая его «пойти в милицию и все рассказать», но это не будет являться принуждением в рассматриваемом смысле этого слова. В этом случае явка с повинной будет налицо (конечно, при условии, что, пока шли уговоры, данное лицо не было доставлено в правоохранные органы для дачи показаний).

Некоторые процессуалисты полагают, что «при определении добровольности явки с повинной следует руководствоваться интеллектуально-волевым состоянием лица, т. е. когда лицо: предвидит возможность наступления для него негативных последствий в виде привлечения к уголовной ответственности и наказания в случае передачи себя правоохранным органам; осознает наличие у него возможности скрыться от задержания и избежать наказания; желает и передает себя правоохранным органам и правосудию» [26].

Таким образом, явка с повинной – добровольное сообщение лица о совершенном им преступлении, сделанное органу или должностному лицу, осуществляющему уголовное преследование, когда в отношении этого лица еще не выдвинуто подозрение или не предъявлено обвинение в совершении данного преступления [4, С. 59; 6, С. 8; 34, С. 112].

Некоторые авторы полагают, что данный повод обретает специфику в конкретных жизненных ситуациях. Так, А.Б. Сергеев рассматривает проблематику явки с повинной в чрезвычайных ситуациях: «В чрезвычайных ситуациях, – пишет он, – как явку с повинной следует считать и случаи, когда заявление о признании лица в совершенном преступлении передается через его близких или знакомых, а также, когда сообщение поступило по телефону, телеграфу или электронным средствам связи. Необходимость такого понимания вызвана тем, что в условиях социальных катаклизмов и межнациональных конфликтов, особенно на этапе вооруженного противостояния, когда местные правоохранные органы функционируют слабо, а личное появление виновного сопряжено с опасностью для его жизни или здоровья, обратиться в аналогичные органы другого субъекта федерации кроме как выше названными способами часто невозможно» [26].

Третий повод, входящий в действующую систему поводов для возбуждения уголовного дела, именуется «сообщение о готовящемся или совершенном преступлении, полученное из иных источников». Однако формально этот источник предстает как **рапорт об обнаружении признаков преступления** (выделено нами. – **Е.К.**).

Указанный повод для возбуждения уголовного дела охватывает все остальные случаи получения сведений о преступлении, кроме указанных выше заявлений о преступлении и явки с повинной, и получил правовое закрепление в ст. 143 УПК РФ. В ней прямо указано, что «сообщение о совершенном или готовящемся преступлении, полученное из иных источников, чем указанные в ст.ст. 141 и 142 настоящего Кодекса,

принимается лицом, получившим данное сообщение, о чем составляется рапорт об обнаружении признаков преступления» [31].

Законом не ограничены источники получения сведений о преступлении. Это могут быть как сообщения, полученные от должностных лиц учреждений, организаций; сообщения, распространенные в средствах массовой информации; так и непосредственное обнаружение признаков преступления должностными лицами, уполномоченными осуществлять уголовное преследование.

Рассмотрим каждую разновидность этих источников подробнее. Начнем с *сообщений, полученных от должностных лиц учреждений, организаций*. Постановлениями Правительства РФ, приказами, инструкциями ряда министерств и ведомств определена обязанность руководителей государственных органов, органов местного самоуправления, государственных муниципальных учреждений, учреждений, предприятий и организаций направлять органам дознания и предварительного следствия сообщения о совершенных или готовящихся преступлениях.

Данные сообщения должны быть поданы письменно (лично либо по почте) в виде заявлений или в виде материалов (документов) ведомственных проверок (расследований), приобщенных к сопроводительному письму, подписанному одним из руководителей соответствующего учреждения, организации, предприятия.

Под юрисдикцию п. 3 ст. 140 УПК РФ, судя по всему, попадают *сообщения о преступлении, распространенные в средствах массовой информации*.

Этот источник представляет собой доведенное до всех (или многих) государственных органов и должностных лиц, наделенных правом возбуждения уголовного дела, устное или письменное сообщение, исходящее от любого автора, содержащее сведения о совершенном или готовящемся преступлении, распространенное в любых средствах массовой информации. Для данного повода характерно то, что об этих фактах широко осведомляется общественность, которая ожидает должного реагирования со стороны компетентных государственных органов.

Сообщение может быть распространено в любом средстве массовой информации. В ст. 2 Закона РФ от 27 декабря 1991 г. № 2124-1 «О средствах массовой информации» (в ред. от 13 июля 2015 г.) «...под средством массовой информации понимается периодическое печатное издание, сетевое издание, телеканал, радиоканал, телепрограмма, радиопрограмма, видеопрограмма, кинохроникальная программа, иная форма периодического распространения массовой информации под постоянным наименованием (названием); ...» [13].

Следует отметить, что в соответствии со ст. 47 указанного закона журналист имеет право «...искать, запрашивать, получать и распространять информацию; посещать государственные органы и организации, предприятия и учреждения, органы общественных объединений либо их пресс-службы; быть принятым должностными лицами в связи с запросом информации; распространять подготовленные им сообщения и материалы за своей подписью, под псевдонимом или без подписи...».

Согласно данному закону, редакция имеет право запрашивать информацию о деятельности государственных органов и организаций, общественных объединений, их должностных лиц. Запрос информации возможен как в устной, так и в письменной форме.

Государственные органы и организации, общественные объединения, их должностные лица предоставляют сведения о своей деятельности средствами массовой информации по запросам редакций. Отказ в предоставлении запрашиваемой информации возможен, только если она содержит сведения, составляющие государственную, коммерческую или иную специально охраняемую законом тайну (статьи 39–40).

Таким образом, по смыслу закона, сообщения в печати, содержащие достаточные данные о конкретном преступлении, влекут возбуждение уголовного дела независимо от желания автора публикации или редакции печатного органа и их оценки сообщаемых фактов. Закрепление подобных сообщений в качестве самостоятельного повода было обусловлено желанием законодателя обязать органы дознания, прокуратуры и следствия постоянно следить за публикациями в печати, в которых сообщается о совершении преступлений, и немедленно реагировать на каждое такое сообщение. Однако УПК не возлагает обязанности по обработке сведений, появляющихся в средствах массовой информации, на должностных лиц правоохранительных органов, ведущих уголовный процесс.

Есть мнение, что данная обязанность лежит на сотрудниках правоохранительных органов, ответственных за связи с общественностью (подразделения информации и общественных связей в структуре территориальных органов внутренних дел РФ). Данное предложение весьма дискуссионно. Дело в том, что указанные органы не входят в перечень субъектов, на которых распространяет свое влияние принцип публичности.

На наш взгляд, исследуемый источник информации представляется весьма проблемным.

Если вспомнить историю, то получится, что обязанности следить за прессой и другими средствами массовой информации органам расследования вменил УПК РСФСР 1960 г.

Н.В. Жогин и Ф.Н. Фаткуллин пишут, что этот повод «налагает на органы... обязанность систематически следить за периодической печатью, обращать самое пристальное внимание на опубликованные в ней статьи, письма и заметки и немедленно реагировать на любое из этих сообщений, если только в нем приведены какие-либо сведения о готовящемся или совершенном преступлении» [13, С. 108-109].

В УПК РФ этот повод в ст. 140 отдельно не выделен. Вместе с тем действующий закон останавливается на этой разновидности информации особо: ч. 2 ст. 144 УПК РФ устанавливает, что «по сообщению о преступлении, распространенному в средствах массовой информации, проверку проводит по поручению прокурора орган дознания, а также по поручению руководителя следственного органа следователь. Редакция, главный редактор соответствующего средства массовой информации обязаны передать по требованию прокурора, следователя или органа дознания имеющиеся в распоряжении соответствующего средства массовой информации документы и материалы, подтверждающие сообщение о преступлении, а также данные о лице, предоставившем указанную информацию, за исключением случаев, когда это лицо поставило условие о сохранении в тайне источника информации».

Из данных нормативных предписаний можно сделать вывод о том, что инициация уголовного процесса на основании этого источника информации зависит от усмотрения

прокурора. Причем усмотрение прокурора ничем формально не ограничено. Информации о преступлениях в средствах массовой информации сегодня хоть отбавляй⁵¹, а вот реакции прокуроров на нее появляются значительно реже.

Однако мы не намерены обрушиваться с критикой на прокуратуру. Тому, что УПК РФ не стал обособлять этот повод, есть свое объяснение. Система поводов не изолирована от внешнего мира. Полагаем, что на систему поводов к возбуждению уголовного дела оказывает влияние развитие информационных технологий. Появление обилия средств массовой информации и широкое внедрение принципа свободы слова привело к снижению доверия к публикуемым материалам, и, соответственно, к переменам в статусе отдельных поводов. *Такой повод, как сообщения, опубликованные в средствах массовой информации, из разряда обязывающих переквалифицировался в разряд управомочивающих*, и, как следствие, выпал из числа конкретных поводов.

Слово «управомочивающий» подразумевает, что эта информация порождает у правоохранительных органов право на проведение проверки этой информации в рамках других юридических технологий: административная, оперативно-розыскная и прочая законная деятельность.

Сказанное не означает, что указанный повод не может быть конкретизирован. Заметим, что такие попытки предпринимались в проекте УПК РФ. В ч. 1 ст. 150 Проекта п. 4 имел соответствующую формулировку: «сообщение в средствах массовой информации». В ст. 154, раскрывающей этот повод, было записано: «сообщение средства массовой информации может служить поводом к возбуждению уголовного дела, когда оно опубликовано в газете или журнале либо распространено на радио или телевидении. Должностные лица средства массовой информации, которое опубликовало или распространило сообщение о преступлении, по требованию лица, правомочного возбудить уголовное дело, обязаны передать находящиеся в их распоряжении документы и иные материалы, подтверждающие сделанное сообщение, а также назвать лицо, предоставившее эти сведения, за исключением случаев, когда это лицо представило их с условием сохранения в тайне источника информации».

Сравнивая приведенный текст с ч. 2. ст. 144 УПК РФ, мы видим, что законодатель, помимо конкретного подхода к указанному поводу, предполагал закрепить еще более широкий круг лиц, которые были уполномочены непосредственно реагировать на эту информацию. В действующем УПК РФ это полномочие замкнулось на прокуратуре. Предполагаем, что это новое право прокуратура получила в одном пакете с правом согласования решений о возбуждении уголовного дела.

Думается, что критическая оценка, даваемая в науке последнему полномочию, может быть обоснованно распространена и на прокурорскую монополию по оценке сообщений о преступлениях, опубликованных в средствах массовой информации.

Интересной и проблемной разновидностью информации, которая также скрывается в свободном поводе, является информация, полученная в ходе *непосредственного*

⁵¹ Нередко журналисты через телевидение обращаются непосредственно к прокурорам. Их репортажи предваряются призывом к прокуратуре обратить внимание на то, что будет показано в телевизионном сюжете. Так, в одной из передач «Человек и закон» скрытая камера зафиксировала факт получения взятки сотрудником ГИБДД на посту ДПС. Репортер обратился к зрителям примерно с такими словами: «Прошу считать этот сюжет официальным заявлением в прокуратуру».

обнаружения признаков преступления.

В УПК РФ 2001 г. отсутствует прямое указание на данный повод, хотя в проекте УПК РФ, принятом в первом чтении, о нем упоминалось (п. 5 ч. 1 ст. 150). Многие авторы сегодня высказывают сожаление о том, что данный повод не нашел прямого отражения в системе поводов. Так, В.М. Корнуков, В.А. Лазарев и В.Д. Холоденко пишут: «Вряд ли можно считать достоинством нового УПК то, что в нем не предусматривается в качестве самостоятельного повода к возбуждению уголовного дела непосредственное обнаружение признаков преступления органами уголовного преследования» [19, с. 45].

Следует согласиться с этим мнением. Конкретизация данного повода была исторически присуща отечественному уголовно-процессуальному законодательству. В УПК РСФСР 1923 г. в ст. 91 указывалось, что «поводами к возбуждению уголовного дела являются...5) непосредственное усмотрение органов дознания, следователя или суда» [32]. Аналогичное положение содержалось в УПК РСФСР 1960 г., в котором данный повод к возбуждению уголовного дела именовался «непосредственное обнаружение органом дознания, следователем, прокурором или судом признаков преступления».

Заметим, что УПК стран СНГ сохранили эту традицию. Более того, они попытались выйти за рамки одной любопытной закономерности. Дело в том, что анализируемый повод в советских кодексах только назывался. Его содержание не раскрывалось. Оставался за рамками УПК и процессуальный порядок введения этой информации в уголовный процесс. Эта закономерность наблюдается и сегодня. Только два УПК стран СНГ, попавшие в поле нашего зрения, включают в себя соответствующие статьи. Это УПК Казахстана и Узбекистана. Их содержание сходно. Приведем текст статьи 328 УПК Узбекистана «Непосредственное обнаружение сведений о преступлении органом или должностным лицом, правомочным возбудить уголовное дело»: «Непосредственное обнаружение сведений о преступлении может служить поводом к возбуждению уголовного дела в случаях, когда: 1) дознаватель получает сведения о преступлении при осуществлении административных функций или при производстве дознания по делу о другом преступлении; 2) следователь получает сведения о преступлении при производстве предварительного следствия по делу о другом преступлении; 3) прокурор получает сведения о преступлении при осуществлении надзора за исполнением законов или при производстве предварительного следствия по делу о другом преступлении».

Как видим, законодатель Узбекистана ограничивает этот повод лишь обнаружением признаков преступлений, полученных в ходе официальной деятельности указанных лиц. Подобный подход, на наш взгляд, отражает общее мнение юридической науки. Однако имеется и другое мнение.

Основное отличие непосредственного обнаружения признаков преступления от остальных поводов состоит в том, что первичные данные о признаках преступления становятся известными должностным лицам, уполномоченным на возбуждение уголовного дела, не из посторонних источников, а в ходе осуществления ими своих служебных полномочий [28, С. 11].

Например, следователю, расследующему уголовное дело, порой становится известно о совершении другими лицами преступных деяний, не связанных с данным делом либо прокурор обнаруживает признаки преступления при осуществлении своих надзорных

функций или в ходе участия в рассмотрении уголовных дел. Уголовное дело может быть также возбуждено прокурором в случаях, когда при расследовании уголовного дела, проводимом им лично, или при судебном разбирательстве с его участием выясняется, что совершено другое преступное деяние, не имеющее отношения к расследуемому или рассматриваемому делу, и это деяние совершено не привлеченным к уголовной ответственности лицом. По новым обнаруженным признакам преступления дело возбуждается по инициативе прокурора. Вряд ли можно говорить о том, что в такой ситуации закон обязывает прокурора составлять рапорт об обнаружении признаков преступления на имя начальника органа предварительного следствия или начальника органа дознания.

По мнению В.Н. Григорьева, «непосредственное обнаружение признаков преступления может выглядеть по-разному. В одних случаях работники милиции являются очевидцами преступления, в других – признаки преступления обнаруживаются в результате получения объяснений в связи с каким-либо происшествием, осмотром места происшествия, в ходе профилактической деятельности органов милиции и т.д. Было бы неточным отождествлять внешнее выражение непосредственного обнаружения признаков преступления как повод к возбуждению уголовного дела с внешним выражением какого-либо одного из этих случаев» [8, С. 98].

В.Н. Григорьевым была предпринята попытка классифицировать всю деятельность правоохранительных органов по непосредственному обнаружению признаков преступления и подразделить ее на три этапа:

- 1) получение информации, побуждающей должностных лиц заинтересоваться каким-либо событием как противоправным;
- 2) проверка этой информации;
- 3) принятие решения по результатам этой проверки [9, С. 11-12].

А.П. Попов в свое время предлагал в российский УПК статью «Непосредственное обнаружение признаков преступления должностными лицами и органами, компетентными возбудить уголовное дело» следующего содержания: «Непосредственное обнаружение признаков преступления явится поводом к возбуждению уголовного дела в случаях, когда: 1) сотрудник органа дознания, следователь, прокурор, судья в ходе исполнения своих должностных обязанностей становятся очевидцами преступления либо обнаруживают следы или последствия преступления непосредственно после его совершения; 2) орган дознания и дознаватель получают сведения о преступлении при осуществлении своих функций, в ходе производства оперативно-розыскных мероприятий или при производстве дознания по делу о другом преступлении; 3) следователь получает сведения о преступлении при расследовании по уголовному делу о другом преступлении; 4) прокурор получает сведения о преступлении при осуществлении надзора за исполнением законов; 5) суд получает сведения о преступлении при производстве по делу, не связанному с этим преступлением».

В этом предложении нашел отражение законодательный опыт стран СНГ.

Процессуальная форма указанного повода сформировалась достаточно давно. Непосредственное обнаружение признаков преступления сотрудниками органа дознания (например, в процессе осуществления административной или оперативно-розыскной

деятельности) оформляется рапортом. Рапорт пишут все сотрудники органа дознания на имя его начальника (руководителя).

Однако рапорт не может быть признан универсальным способом формализации сведений, полученных в ходе непосредственного обнаружения признаков преступления. К примеру, если взять руководителя органа дознания, то по смыслу закона рапорт от его имени на свое имя исходить не может. Равным образом и прокурор не может писать такой рапорт на свое имя. Следовательно, считают некоторые процессуалисты, в этом случае непосредственное обнаружение служит поводом к возбуждению уголовного дела без соответствующего оформления. Аналогичное положение содержалось в УПК РСФСР 1960 г.: «...вынося постановление о возбуждении уголовного дела, должностные лица непосредственно в постановлении указывают обнаруженные ими признаки преступления, компенсируя тем самым указание на конкретный повод...» [19, С. 65].

Все сказанное о непосредственном обнаружении признаков преступления как о самостоятельном источнике сведений о криминале, подчеркивает необходимость обособления этого повода в системе поводов. Таким образом, этот источник попадает в число перспективных элементов системы поводов.

Однако перспективным, как было показано выше, он может считаться лишь условно. Перспективой в этом случае будет возвращение к ретроспективе.

По настоящему перспективным, на наш взгляд, будет такой информационный источник, как результаты ОРД.

В системе средств достижения цели уголовного процесса огромное влияние в последние годы приобретают средства и методы ОРД. Информация, полученная оперативно-розыскным путем (результаты ОРД), используется в уголовно-процессуальной деятельности на разных направлениях.

Полагает, на сегодняшний день сложились необходимые теоретические и нормативные предпосылки для выделения результатов ОРД в качестве самостоятельного повода для возбуждения уголовного дела, и потребность в оперативно-розыскной информации на первоначальном этапе уголовного процесса чрезвычайно велика. Однако конкретизация указанного повода в системе поводов к возбуждению уголовного связана с рядом проблем.

Во-первых, нужен ли российскому уголовному процессу такой повод, как результаты ОРД?

Есть точка зрения, согласно которой такой повод не нужен, поскольку оперативно-розыскная информация может быть благополучно реализована через поводы, которые получили закрепление в УПК РФ, в частности, через повод, указанный в п. 3 ст. 141 УПК РФ (сообщение о совершенном или готовящемся преступлении, полученное из иных источников) [18, С. 322; 37, С. 35].

По мнению Н.А. Громова, А.Н. Гущина и Ю.В. Франциферова, закрепление «дополнительного повода к возбуждению уголовного дела вряд ли целесообразно, т. к. данные, полученные в результате оперативно-розыскной деятельности, при их использовании в качестве повода требуют процессуальной интерпретации. В этом же случае они потеряют самостоятельное значение и будут сведены к одному из поводов, указанных в ст. 108 УПК (УПК РСФСР. – **Е.К.**)» [11, С. 15].

Однако подобная позиция не является единственной и тем более главной. По мнению ряда ученых, имеется объективная необходимость законодательного выделения результатов ОРД в отдельный повод для возбуждения уголовного дела. Одним из первых подобное предложение внес В.Т. Томин [29, С. 116]. Впоследствии об этом же высказывались М.П. Поляков, А.В. Земскова, А.П. Попов, Р.С. Рыжов и другие [17, С. 79; 24, С. 99].

Определенные попытки делались и на нормативном уровне: этот повод иногда появлялся в альтернативных законопроектах (альтернативных официальному проекту УПК РФ) в виде формулировки: «данные, полученные в ходе проведения оперативно-розыскных мероприятий».

По мнению нашего научного руководителя М.П. Полякова и других сторонников обособления указанного повода, необходимость в этом вызывается спецификой процессуального режима извлечения информации из результатов ОРД. К результатам ОРД как к поводу к возбуждению уголовного дела должен применяться особый режим. Введение в законодательный перечень поводов анализируемого информационного сигнала позволит упорядочить уголовно-процессуальные отношения между субъектами ОРД и уголовного процесса, независимо от их ведомственной принадлежности [23, С. 93].

Кроме общих рассуждений, в юридической литературе стали появляться конкретные предложения по процедурному урегулированию использования результатов ОРД на стадии возбуждения уголовного дела [14, С. 46].

Мы хотели бы обратить внимание на разработки нижегородской школы процессуалистов. Так, Р.С. Рыжов предлагает закрепить в УПК РФ такой повод под именем «сообщение органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность».

Разъяснение этого повода предлагается дать в отдельной статье: «(1) Сообщение органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность – результаты оперативно-розыскной деятельности, содержащие сведения о том, где, когда, какие признаки и какого именно преступления обнаружены, при каких обстоятельствах имело место обнаружение признаков преступления, сведения о лице (лицах), его совершившем (если оно известно), очевидцах преступления (если они известны), о местонахождении следов преступления, документов и предметов, которые могут стать вещественными доказательствами, о любых других фактах и обстоятельствах, имеющих значение для решения вопроса о возбуждении уголовного дела».

(2) Результаты оперативно-розыскной деятельности представляются руководителем органа, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность, органу дознания, дознавателю, следователю, прокурору в порядке, предусмотренном ст. ____ настоящего Кодекса.

(3) В случае необходимости получения дополнительной информации, необходимой для принятия решения, предусмотренного ст. __ настоящего Кодекса, орган дознания, следователь или прокурор вправе истребовать дополнительные оперативные материалы, а также дать поручение руководителю органа, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность, произвести дополнительные действия, направленные на получение необходимых сведений».

Само собой, процедурное решение, предлагаемое Р.С. Рыжовым, не является

окончательным. Полагаем, этот повод должен называться именно «результаты оперативно-розыскной деятельности». Кроме того, мы считаем, что в этой статье (особенно в ч. 1) содержится масса ненужных подробностей.

Однако это уже нюансы. Само *намерение на обособление и тщательную процедурную проработку этого повода надо приветствовать и поддерживать*. Мы определяем себя в качестве концептуальных сторонников закрепления в УПК РФ отдельного повода с условным названием «результаты ОРД». Полагаем, что шаг в эту сторону позволит повысить эффективность достижения не только задач первой стадии уголовного процесса, но и всего уголовного судопроизводства в целом.

Таким образом, информация, содержащаяся в настоящей статье, позволяет нам сформулировать перспективную систему поводов к возбуждению уголовного дела. Эта система нам видится следующей:

- 1) заявление гражданина;
- 2) жалоба гражданина;
- 3) заявление о явке с повинной;
- 4) сообщение должностного лица организации или объединения;
- 5) сообщение в средствах массовой информации;
- 6) результаты оперативно-розыскной деятельности;
- 7) непосредственное обнаружение дознавателем, органом дознания, следователем или прокурором сведений, указывающих на признаки преступления;
- 8) сообщения, полученные из иных источников.

В этой системе, по нашему мнению, находят отражение теоретические выводы об оптимальном сочетании начал конкретности и универсальности. Повод, указанный в п. 8, выполняет функцию «свободного» повода.

Литература

1. Акты земельных соборов. Российское законодательство X–XX веков. / Под ред. О.И. Чистякова. – М., 1985. – Т. 3.
2. Альперт С.А. Производство по уголовным делам, возбуждаемым по жалобе потерпевшего. – Харьков, 1976.
3. Безлепкина Б.Т. Комментарий к уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный). – М., 2003.
4. Белозеров Ю.Н., Чувилев А.А. Проблемы обеспечения законности и обоснованности возбуждения уголовного дела. – М., 1973.
5. Галкин В.М. Система поощрений в советском уголовном праве // Советское государство и право. – 1977. – № 2.
6. Герасимова Е.К. Явка с повинной: Автореф. дис... канд. юрид. наук. – М., 1979.
7. Григорьев В.Н. Возбуждение уголовного дела по новому УПК: Учебное пособие для вузов МВД России. – М., 2002.
8. Григорьев В.Н. Возбуждение уголовного дела при непосредственном обнаружении признаков преступления // Правоведение. – 1982. – № 5. – С. 98.
9. Григорьев В.Н. Обнаружение признаков преступления органами внутренних дел. – Ташкент, 1986.

10. Григорьев Н.Р., Сабитов Р.А. Освобождение от уголовной ответственности по нормам Особенной части УК РФ. – Хабаровск: ХВШ МВД России. – 1994.
11. Гуцин А.Н., Громов Н.А., Франциферов Ю.В. Использование оперативно-розыскной информации в уголовно-процессуальном доказывании // Российский следователь. – 2000. – № 4. – С. 15.
12. Елеонский В.А. Поощрительные нормы уголовного права. – Хабаровск: ХВШ МВД России, 1984.
13. Жогин Н.В., Фаткуллин Ф.Н. Возбуждение уголовного дела. – М.: Госюриздат, 1961. – 206 с.
14. Зажицкий В.И. Оперативно-розыскная деятельность и уголовное судопроизводство // Российская юстиция. – 2001. – № 3. – С. 45–47.
15. Закон РФ от 27 декабря 1991 г. № 2124-1 «О средствах массовой информации» (в ред. от 13 июля 2015 г.) // Справочно-правовая система «Консультант-Плюс».
16. Законодательство первой половины XIX века. Российское законодательство XIX–XX веков. / Под ред. О.И. Чистякова. М.: Юридическая литература, 1988. – Т. 6.
17. Земскова А.В. Правовые проблемы использования результатов оперативно-розыскных мероприятий в уголовно-процессуальном доказывании. – Волгоград, 2000.
18. Комментарий к УПК РФ / Под общ. ред. В.В. Мозякова. – М., 2002.
19. Корнуков В.М., Лазарев В.А., Холоденко В.Д. Возбуждение уголовного дела в системе уголовно-процессуальной деятельности. – Саратов: Изд-во СГАП, 2002. – 156 с.
20. Михайленко А.Р. Возбуждение уголовного дела в советском уголовном процессе: Учебное пособие / Под ред. проф. А.Л. Цыпкина. Саратов, 1975.
21. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений; Российская академия наук. Институт русского языка им. В.В. Виноградова. – 4-е изд., дополненное. – М., 1999.
22. Павлов Н.Е. Рассмотрение криминальной милицией заявлений и сообщений о преступлениях организованных групп и преступных сообществ: Лекция. – М., 1996.
23. Поляков М.П., Попов А.П. Результаты ОРД как повод и основание для возбуждения уголовного дела // Интерпретация результатов оперативно-розыскной деятельности в эффективном уголовном процессе. – Пятигорск, 2001.
24. Поляков М.П. Уголовно-процессуальная интерпретация результатов оперативно-розыскной деятельности: Монография / Под научн. ред. В.Т. Томина. – Н. Новгород: Нижегородская правовая академия, 2001. – 262 с.
25. Приказ Генеральной прокуратуры Российской Федерации, Министерства внутренних дел Российской Федерации, Министерства Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий, Министерства юстиции Российской Федерации, Федеральной службы безопасности Российской Федерации, Министерства экономического развития и торговли Российской Федерации, Федеральной службы Российской Федерации по контролю за оборотом наркотиков от 29 декабря 2005 г. № 39/1070/1021/253/780/353/399 «О едином учете преступлений».

26. Сергеев А.Б. Процессуальные проблемы досудебного производства по уголовным делам в чрезвычайных ситуациях: Автореф. дис... д-ра юрид. наук. – М.: Московский университет МВД России, 2003.
27. Степанов В.В. Предварительная проверка первичных материалов о преступлениях. – Саратов: СЮИ, 1972.
28. Советский уголовный процесс / Под ред. С.В. Бородина и И.Д. Перлова. – М. – 1968.
29. Томин В.Т. Острые углы уголовного судопроизводства. – М.: Юридическая литература, 1991. – 240 с.
30. Трайнин А.Н. Состав преступления по советскому уголовному праву. – М., 1951.
31. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации № 174-ФЗ от 18 декабря 2001 г. / Справочно-правовая система «Консультант-Плюс» (в ред. от 26 апреля 2007 г.).
32. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР. Официальный текст с изменениями на 1 января 1952 г. и с приложением постатейно-систематизированных материалов. – М.: Госюриздат, 1952.
33. Уголовный процесс: Учебник / Под ред. С.А. Колосовича, Е.А. Зайцевой. – Волгоград: Волгоградская академия МВД РФ, 2002.
34. Химичева Г.П. Досудебное производство по уголовным делам: концепция совершенствования уголовно-процессуальной деятельности. – М., 2003.
35. Яджин Н.В. Явка с повинной и тактика проверки заявления явившегося: Учебное пособие. – Тюмень, 1999.
36. Якуб. М. К вопросу о видах уголовного судопроизводства // Ученые записки. ВИЮН. – М., 1947. – Вып. 6.
37. Яшин В.Н., Победкин А.В. Возбуждение уголовного дела: теория, практика, перспективы. – М., 2002.

© Е.С. Кузьменко, 2016.
© «Наука. Мысль», 2016.

Abstract. This article presents the study of the theoretical and practical foundations of the initiation of criminal trial, while special attention is paid to the system the reasons for initiation of criminal proceedings.

Keywords: criminal case, initiation of criminal trial, criminal law.

Сведения об авторе

Елена Сергеевна **Кузьменко**, кандидат юридических наук, Нижегородская академия МВД России (Нижний Новгород, Россия).

Подписано в печать 15.01.2016.
© Наука. Мысль, 2016.